

непослідовності, єдину в змінливості та змінливу в однині. Мистецькі стилі є тільки висловом архітектури душі їхніх творців і будови середовища, що їх сприймає, й відбивають будівництво того кола природи, який найкраще з психічним укладом митців співдзвенить» [5, 38].

Незважаючи на внутрішню порожнечу цих слів, існує деяка похідна між літературою і тим світом, про який так небагато сказано в іншого співрозмовника історії – Езри Паунда. Про світ цієї не віднайдені тиші. Адже, історія ще не віднайдена, адже, існують співрозмовники не віднайденого. І цей голос закликає до вислуховання мелодії міфосвіту.

В українській міфології слово отримує темрява пралісу, це можливо найглибший архетип свідомості і тема для прислухання. Свідомість змінює, перевертає відображення у воді – вода, це також деяка належність до архе. «Архе» в своїй античній недоторканості значило причину. Саме наповнення питання про предмет історії і про свободу, закликає нас до розкриття чогось більшого. «Прислухатись» означає для вислову не бути виказаним у слові. Темою пригадування є свобода. Буття називає себе ним.

Глобалізація стає шляхом до самовизначення, але може бути і самознищенням. Тому єдиним шляхом до створення майбутнього, як основної задачі історії, є прислухання до голосу власного минулого в рамках цивілізаційного пріоритету свого культурного регіону. Створення нового, як і його символіка коріниться і краще за все виражається в етнічних, стильових, архітектурних, літературних чинниках. Прислухання є, деякою мірою пригадування. Ця міра отримує свій образ і зв'язок у буття.

Література

1. Чаадаев П.Я. Философические письма. – М.: АСТ; М: Хранитель, 2006. – 254 с.
2. Маркс К. Ницета философии / Маркс К. К критике гегелевской философии права. Ницета философии. – М.: Мир книги, 2007. – С. 257-406.
3. Шпенглер О. Закат Европы. – Т.2 / Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. – М.: Политиздат, 1991. – С. 23-54
4. Зиновьев А.А. Фактор понимания. – М.: Алгоритм, 2006. – 528 с.
5. Антонич Б.-І. На другому березі // Сучасність. – 1992. – № 9. – С.5-98.

УДК 17.023.31-055

Ланчевская А. А.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СУБЪЕКТИВНОСТИ, ИДЕНТИЧНОСТИ И ИДЕНТИФИКАЦИИ

Анотація. У статті розглянуті актуальні питання сучасної філософії, пов'язані з концептами суб'єктивності, ідентичності й ідентифікації. В їх гендерному аспекті; розкриті основні поняття гендерної філософії й показано взаємозв'язок гендерних ролей, стереотипів и гендерної поведінки як структурних компонентів гендерної ідентичності особистості.

Аннотация. В статье рассмотрены концепты субъективности, идентичности и идентификации в их гендерном аспекте; раскрыты основные

понятия гендерной философии и показана взаимосвязь гендерных ролей, стереотипов и гендерного поведения как структурных компонентов гендерной идентичности личности.

Annotation. In the given article concepts of subjectivity, identity and authentication in their gender aspect are considered an author; the basic concepts of gender philosophy are exposed and intercommunication of gender roles, stereotypes and gender conduct as structural components of gender identity of personality is shown.

Сущность человека является одной из важнейших проблем философии с момента ее возникновения и до наших дней. Проблема «Я» как самосознающего индивида, является неременной составной частью, концентрированным выражением концепций человека, индивида, личности становится специальным предметом исследования лишь в Новом времени. В связи с этим можно выделить две парадигмы понимания самости: классическая и постклассическая.

При всем различии подходов Дж. Локка, Р. Декарта, И. Канта, И.Г.Фихте, Ф.Шеллинга, Г.В.Ф.Гегеля (XVII – XIX в.в.) в исследовании проблемы «Я» в учениях этих мыслителей есть инвариант – ядро, которое позволяет охарактеризовать их философские теории как классическую парадигму. В классическом понимании «Я» прослеживается единое концептуальное ядро: «Я» в философии понимается как категория философских концепций личности, выражающая самоидентичность индивида. Согласно концепции К.Маркса, только в историческом процессе реализуется родовая и индивидуальная сущность человека.

В метафизике Нового времени сущность человека – это мышление, исходящее из себя самого. Если мышление является достаточным условием для существования и если представление тождественно с бытием, то именно в этом и заключается сущность «Я», а, следовательно, и сущность человека.

Понимание «Я» как особенного предполагает включенность единичного «Я» в систему intersубъективных связей, систему общества и воплощение абсолютного «Я» в специфических формах культуры: права, морали, государства, искусства, религии, науки.

Если гносеологический, феноменологический и аксиологический аспекты проблемы идентичности получили разработку в трудах классиков философской мысли, то в постклассической философии XX века акцент в осмыслении феномена идентичности был перенесен на проблему индивидуализации личности, что послужило началом устойчивого интереса к проблеме идентичности, исследуемой в двух основных аспектах – индивидуально-рефлексивном и социально-коммуникативном.

Родоначальник психоанализа Фрейд вводит в структуру психики несводимый к сознательному, и оказывающий на него реальное воздействие уровень бессознательного. Четко фиксированная субъект-объектная оппозиция, господствовавшая в философии того времени как в рационалистической, так и эпикурико-сенсуалистической традиции не позволяла объяснить многие явления сознания.

Сторонник междисциплинарного подхода к проблеме идентичности, Э.Эрикссон, описывает идентичность как "Субъективное вдохновенное ощущение тождества и целостности" [14, 28].

Следующий этап развития исследуемой проблемы происходил в рамках школы символического интеракционизма, представители которой выделяют различные виды

идентичности (социальная, личная, я-идентичность) в самостоятельные категории. Способность осознавать свое «я» развивается в социальной жизни посредством того, что Мид называет «взятием на себя роли» или «принятием отношения других к себе самому». Человек становится действующим лицом благодаря тому, как реагируют на него другие лица.

Продолжателем идей интеракционистов стал И.Гофман – создатель школы интерпретативной социологии. Центральными вопросами этой школы служат социальное взаимодействие (интеракция) и социальная идентичность в связи с субъективной интерпретацией, которая представляет собой особый вид конструирования социальной реальности. Данной позиции придерживается и П.Бергер считающий, что «идентичность формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями» [1, 84].

Таким образом, концепция идентичности, ставшая одной из ведущих тем в эпоху Нового времени и определяемая в классическом понимании как проблема человеческой «самости», в начале XX века получила теоретическую разработку в рамках постклассического направления, акцентирующего проблему индивидуализации личности. Данная проблема получила новый импульс в конце XX и начале XXI вв. под влиянием процессов, получивших название глобализации. Именно тогда проблема идентичности становится объектом междисциплинарного дискурса.

В современных условиях существующие социальные отношения и современные технологии требуют от человека лабильности, многоролевого и многофункционального социального поведения. Формирование этих практик социального поведения приводит к возникновению «разорванности» сознания индивида, а именно – к множеству рациональных внутри себя, но не связанных друг с другом, «миров», «универсумов» сознания, «картин мира». Эти разные миры сознания прагматически вполне соответствуют различным ролевым практикам и имеют свое рациональное обоснование и свою идеологию. Но вся проблема в том, что они относятся к отдельному индивиду и его поведению. «Мозаичность», «файловость» сознания индивида, затребованная современной социальной действительностью, оборачивается отсутствием целостного представления человека о самом себе.

Таким образом, с одной стороны, современные условия жизни и деятельности ведут к невиданному размаху субъективности в виде различных форм сознания, с другой стороны, сознание все больше приобретает нецелостный, мозаичный, файловый характер. Оно начинает функционировать как «триггер», мгновенно переключаясь в соответствующий регистр, обеспечивающий наличную ситуацию деятельности и поведения адекватной рациональной картиной. Соответственно этому современной человек все больше перестает воспринимать себя как целостную личность, скорее как набор личностей, «соответствующих» различным социальным ситуациям. Как следствие, мозаичные миры сознания и соответствующие им частичные практики образуют взаимно-обратные генетические отношения: сознание «отражает» наличную частичную практику и «обосновывает» ее.

С одной стороны, внутри себя, как уже говорилось выше, такое сознание представляет собой набор «картин мира», обеспечивающих рациональность поведения индивида в соответствующих социальных ситуациях и его социальную идентификацию. С другой стороны, они являются рациональным обобщением,

«осознанием», идеологией соответствующей социальной практики. В этих условиях «нормальное» социальное поведение и деятельность человека требуют постоянного увеличения «набора» этих «картин мира»; чем более мозаичным становится сознание, тем более приспособленным, адекватным становится человеческое поведение; чем более файловым становится оно, тем более успешным становится наше ролевое поведение, тем более мы идентифицированы с соответствующей социальной действительностью. Проблема социальной идентификации решается здесь за счет отождествления личности с одной из своих социальных ролей.

Все это ведет, с одной стороны, к триумфу субъективизма и к «уничтожению» субъекта, с другой стороны. Отсутствие целостной личности, целостного сознания является основанием постмодернистских дискурсов о «смерти автора», «смерти человека», «смерти субъекта». Все более проблематичным становится целостность субъекта и единство его сознания, все более непонятым становится его *понятие*.

В это же время наблюдается исследовательский «бум» в области гендерной философии. Переосмысление субъекта, идентификационных процессов и самой структуры идентичности повлекло за собой и переосмысление вопросов пола и сексуальности. Конечно же, разделение общества на два пола является фундаментальным социально-биологическим фактом, с которым связаны многочисленные проблемы жизнедеятельности личности.

Уже в 50-х годах двадцатого столетия эта проблема стала предметом внимания самых различных наук и получила оформление в гендерном подходе к дифференциации полов. Междисциплинарный характер гендерных исследований отражает сложные взаимосвязи биологических, социальных, культурных, психических факторов, лежащих в основе регуляции поведения. Поведение личности является результатом длительного процесса интернализации, в том числе, принятого в данной культуре гендерного набора убеждений, ценностей, установок, стандартов.

Гендерная идентичность личности – многокомпонентное образование, включающее гендерные представления, гендерную самооценку и гендерные планы и структуры поведения. Различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определяют индивидуальный вариант гендерной идентичности личности.

Однако в современных условиях говорить о какой-либо устойчивой идентичности не представляется возможным.

Современная феминистическая философия занята детальным изучением таких вопросов, как субъективность и идентичность субъекта. Это проблемное поле, по сути, является полем исследования философии постмодерна. В классической западноевропейской философии данному вопросу не уделялось должного внимания, субъект не был расколот пополам (по полам), вопросы пола не тематизировались и им не придавалось должного значения. Постмодерн вывел эти проблемы из тени и придал им новое звучание.

Как уже отмечалось выше, классическая философия пропагандировала идею о том, что личности являются стабильными, когерентными и рациональными, субъект определялся как рациональная, «прозрачная» (самопрозрачная) сущность, которая может выражать гомогенное значение всего поля своего поведения, является источником своих действий. Постмодернистская же деконструкция подвергла сомнению эти предположения, на которых традиционно строилась модерность. Например, идею о существовании эссенциального единства «Я» во времени и пространстве – *самоидентичность*. Ей деконструктивисты противопоставляют тезис о том, что «Я» фундаментально расколото между сознанием и бессознательным.

Адекватны ли представления об универсальном и целостном человеческом субъекте? – Ответ постмодерна будет отрицательным. Объективнее рассматривать субъективность с позиций ее социальной и культурной фрагментированности. Жак Лакан видит в субъективности «нечто», которое «не цельно» и «не фиксировано». По его мнению, существует некая множественность уровней идентичности – уровень символического, уровень реального и уровень воображаемого. Мишель Фуко говорил даже о «смерти субъекта», то есть об исчезновении или растворении человека, который может быть помыслен в универсальной форме субъекта, определяющего основания, дающего смыслы, отправляющего и олицетворяющего власть [8, 53].

Его анализ механизмов субъективации как властных практик производства субъективности оказал огромное влияние на феминистическую философию. Один из основополагающих принципов гендерной теории, построенный на исследованиях Мишеля Фуко, заключается в том, что *гендерные маркировки субъективности* не являются неизменными биологическими маркировками, а социально сконструированы и производятся определенными типами властных стратегий.

Для обозначения невозможности существования устойчивой идентичности вводится специальный термин «номада». Быть номадой означает жить в состоянии транзиту, номадическое сознание не способно создать устойчивую идентичность, более того, оно отказывается принимать любой тип идентичности как постоянный. Поэтому способ бытия номады - это всегда «прохождение через», или «ситуация становления», то есть не утверждение определенной сущности, но возможность таких ситуативных связей, которые помогают ей выжить, но никогда не принимают ограничительных границ фиксированной (гендерной, национальной, классовой и пр.) идентичности. Такое постоянное нахождение в ситуации становления интерпретируется как реальная возможность преодолеть давление патриархальных установок. Проблематизируя понятия субъективности, гендера, гендерной идентичности, феминистский социальный философ Роззи Брайдотти предлагает мыслить женскую идентичность «по ту сторону» прямых или завуалированных форм доминанции и насилия [2, 223].

Признавая противоречивость природы субъективности, мы признаем вместе с этим и возможность выбора для нее множественности проявлений в различных ситуациях в современном социуме. Чем же в таком случае будет являться идентичность? – Идентичность в таком случае не будет сводиться ни к структуре, ни к функции, она становится более гибкой, фрагментарной (мозаичной). Она определяется через различные контрасты – мужская и женская идентичности, национальные, расовые и культурные идентичности.

Субъект конструируется, выстраивается властными механизмами, подвергается воздействию власти и перестраивается снова и снова. Таким образом, сконструированность субъекта можно понимать как предусловие его свободы действия. Культурные, политические и иные социальные действия в целом могут быть целенаправленно трансформированы, обращенные на себя, отброшены субъектом. Феминистическая философия говоря о субъекте, имеет в виду не готовый продукт или результат, но постоянный процесс. Этот процесс периодически приостанавливается и перенаправляется и обладает возможностью изменять саму власть. А значит и смерть субъекта не является концом его свободы говорить и действовать. Ведь и сама борьба за освобождение и демократизацию всей социальной жизни не может быть возможной с принятием одной из основных моделей доминанции и угнетения – регуляции и производства субъектов. Это кажется вполне логичным и

понятным. Однако, с другой стороны, деконструировать субъект, рассматривать его в сети властных отношений не означает вовсе отказаться от концепции субъекта. Деконструкция в феминистической философии не предполагает полного отрицания или выведения субъективности из «поля игры», но допускает постановку такого вопроса как переосмысление и переопределение субъекта. И это то, что не было «санкционировано» классической философией ранее. Таким образом, субъект открыт, прозрачен, гибок и непостоянен.

Джудит Батлер бросила наиболее радикальный вызов классическому пониманию идентичности. Она деконструирует и плюрализирует субъективность, как и многие другие исследовательницы-феминистки. Первое, с чем расправляется Батлер – это «предискурсивное я» в структуре идентичности. Традиционно в феминистической теории понятие гендера интерпретируется как социальный конструкт, а пол как предискурсивная данность. Батлер же утверждает, что подобное эпистемологическое деление на дискурсивное, приоритетное (предискурсивное), подчиненное или, говоря иными словами, на «социальное» и «природное» является недопустимым для философии феминизма, ибо это демонстрирует иерархизацию мышления (один из процессов, против которого как раз и выступает феминизм) [4].

Перформативная теория гендера Джудит Батлер исходит из первичности действия по отношению к субъективной структуре: действие может быть совершенно вне всякой корреляции с «Я», например, бессознательное действие. «Если принять мысль о том, что гендер – это социальный конструкт, пишет Батлер, это совсем не значит признать, что он сконструирован неким «я» или «мы», которые как бы предшествуют конструкции или следуют из неё: напротив, «я» возникает только как эффект внутри действия матрицы гендерных отношений и процесса «гендеризации» [Цит. по: 3, 217].

В чем же состоит сущность перформативной гендерной субъективации? – Прежде всего, в том, что гендер выражается не при помощи действий, жестов или речи, а в произведении перформацией иллюзии существования некоего внутреннего ядра гендера и гендерной субъективности. По мнению Т.А. Ладыкиной, в таком случае эпистемологическим шоком оказывается обнаружение, что такой изначальной сущности просто не существует. Такое существование в перформативном режиме отнюдь не является актом свободного выбора личности, но есть воспроизводство регулятивных и властных социально-культурных норм, существующих в обществе [9].

Постмодернистские феминистки критикуют эссенциализм в любых его формах и проявлениях. Эссенциалистское стремление заранее зафиксировать половой характер субъективности вытекает из допущения естественного, или сущностного, характера различия между мужчинами и женщинами, между представителями различных этносов, рас, культур, их естественного предназначения. Это вызывает наибольшую волну негодования у исследовательниц-феминисток. Выдвигая в противовес эссенциалистскому подходу свой, они существенно обогащают разработку проекта демократических преобразований общества.

Согласно этому, антиэссенциалистскому подходу, не существует «потаенной» или данной раз и навсегда от природы идентичности. Деконструкция эссенциальной идентичности должна рассматриваться, в том числе, как необходимое условие для адекватного понимания многообразия социальных отношений, к которым должны прилагаться принципы равенства, справедливости, свободы и ответственности. Отдельный индивидуум может быть носителем этого многообразия: доминировать в одних типах социальных отношений и быть подчиненным в других. Так, каждая

личность оказывается сконструированной или составленной из набора «позиций субъекта», которые не могут быть окончательно зафиксированы, но находятся в постоянном состоянии движения и переопределения. Идентичность такого множественного и противоречивого субъекта является, в итоге, всегда ненадежной и необоснованной, темпорально фиксируемой только в местах пересечения позиций субъекта и зависимой от специфических форм идентификации. Посредством различных позиций занимаемых им, субъект конституируется внутри различных дискурсивных образований. При этом не существует такой позиции субъекта, чьи связи с другими позициями со всей уверенностью могут быть определены. Поэтому не существует социальной идентичности, которая была бы полностью и навечно приобретена.

К тому же, роль языка в формировании субъективности является ключевой. По мнению Т.А. Ладыкиной, можно даже говорить о своеобразном лингвистическом повороте современной философии, поставившем в качестве основной задачи философии описание дискурсивных способов конструирования субъективности. Язык – не внешнее средство или инструмент самовыражения. Он формирует саму субъективность. Он определяет не наше видение мира, но наше существование в нем. Субъект обозначает, дает себе имя в процессе языкового общения (Ж. Деррида, М. Фуко) [8]. Самоидентификация – процесс одновременного формирования самого себя и осознания себя, влекущий за собой поток совершенно нового языка восприятия и экспрессии, языка принципиально неоднозначного и вариативного. Почему дело обстоит именно так? – Потому что и сам субъект воспринимается теперь не как статичное образование, а как мозаичная изменчивость. Значения слов жестко не закреплены, они изменяются, и, следовательно, изменяется субъективность, трансформируется самоощущение и способ восприятия мира.

Одной из главных задач феминистической философии, гендерных исследований и постмодернистских философских построений является создание и поиск иного неиерархичного языка как основы новой культуры [9].

Постмодернистски ориентированные феминистские философы убеждены, что способом возможного обретения себя для женщин является язык, речь, письмо. Через язык женщина удалена на периферию, изгнана, определена как Другой и через обретение своего языка, языка своего тела она может вернуться.

Например, Люси Иригарэ – одна из выдающихся исследовательниц в феминистической теории, в своей теории занята поиском логических обоснований женской дискурсивной репрезентации в культуре. Она пытается одновременно деконструировать фаллоцентрическую конструкцию женщины как Другого мужчины и, в то же время, создать средства, при помощи которых женская специфика может быть выражена в дискурсе в автономных терминах. Главным логическим конструктом для обозначения децентрализованной, телесной и отличной от мужской женской субъективности является конструкт «истерички», которая используя технику истерии (как специфическую форму женской активности) совершает поворот патриархатного дискурса и логики фаллоцентризма для артикуляции женского опыта и переживания.

При этом структура истерии у Иригарэ толкуется не с фрейдовских позиций, а с антиэссенциалистской точки зрения. Истерия у нее перформативна: истерия, выявляющая себя через эксцесс, не является сущностной характеристикой женской субъективности, а лишь пародия на то, что от нее ожидают. Симулятивным образом копируя те ожидания мужской культуры, которые от нее требуют, на самом деле «истеричка» удовлетворяет не их требования, а свои собственные.

Главным вкладом Люси Иригарэ в копилку феминистических исследований явилось выявление основного логического парадокса дискурсивной репрезентации женской субъективности в современной культуре: с одной стороны, попытка репрезентации *Другого* (женского) в ней, которая требует и иных дискурсивных средств выражения, а с другой – проблематичность отделения дискурсивного отличия женского Другого от любого другого Другого (расового, этнического и т.д.) в современном дискурсе [4, 61].

Признание Другого не только как равного, но и как фундаментально отличного, постепенно стало центральной темой в современных (постмодернистских) дискуссиях. Мы пришли к социально-критической защите различий в отношении не только полов, но также этносов и культуры вообще. Сейчас мы придерживаемся “политики признания”, в соответствии с которой разные группы требуют именно этой формы признания при защите различий, потому что они не хотят стать подобными доминирующей группе или группам. Происходит вспышка дискуссий по поводу культур меньшинств в Северной Америке, включая гомосексуалистов. В некоторых феминистических кругах разгораются споры о “феминизме различия”, рассматриваемая с этих позиций Симона де Бовуар может выглядеть традиционной конформисткой. Монокультура модернизма атакуется, и на передний край выдвигается постмодернистский культурный плюрализм.

Таким образом, говоря о гендерных аспектах субъективности, идентичности и идентификации, можно сформулировать следующие выводы:

1. В современной социальной философии и философии феминизма, в частности, происходит переход к определению личности как нестабильной, противоречивой и социально-сконструированной (концепция гендера), а социальный мир в постмодернистских и феминистских социально-философских исследованиях предстает как дискретный и многомерный, где различия оцениваются без оппозиций и иерархии (отказ от бинарных оппозиций).

2. Поскольку язык является прежде всего воспроизводством отношений власти, а дискурсивные практики имеют опору в материальных отношениях, то изменения языка посредством феминистического литературного критицизма следует рассматривать как практическое средство формирования феминистической парадигмы глубинных материальных изменений общества.

3. Введение в социально-гуманитарные исследования гендерного подхода позволяет изменить традиционные представления о субъективности, идентичности и идентификации.

4. В связи с процессами трансформации и перехода к иному пониманию традиционных антропологических проблем, целесообразнее говорить не столько об «идентичностях», сколько об «идентификациях» и рассматривать идентичность в качестве непрерывного процесса, а не законченного конструкта.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995.
2. Брайдотти Р. Различие полов как политический проект номадизма // Женщина не существует. Современные исследования полового различия. – Сыктывкар, 1999. – С. 221-249.
3. Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. – Спб.: Алетейя, 2006. – 160 с.

4. Жеребкіна І. «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм. – М.: Идея-Пресс, 2000.
5. Жеребкіна І. Феміністська теорія 90-х років: проблеми та парадокси репрезентації жіночої суб'єктивності // Філософська думка. – 2000. – №6. – С. 56-71.
6. Клименкова Т. А. Феминизм и постмодернизм // Феминизм и гендерные исследования. Хрестоматия. Под общей ред. В.И. Успенской. – Тверь, 1999.
7. Кристева Ю. Сили жаху. Есе про відразу // І. Незалежний культурологічний часопис. – 2005. – Число 37.
8. Куцепал С.В. Французька філософія другої половини ХХ ст.: дискурс із префіксом «ПОСТ»: Монографія. – К.: Вид. ПАРАПАН, 2004. – 324 с.
9. Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: НОУ ВПО «Омский юридический институт», 2004. – 192 с.
10. Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С.35-39.
11. Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск, 2001.
12. Хамітов Н. Філософія статі: прояснення предмета // Філософська думка. – 2000. – №6. – С. 45-55.
13. Чухим Н.Д. Проблема жіночої суб'єктивності в ХХ сторіччі // Проблеми освіти: Науково-методичний збірник. – 2004. – Вип.36. – С.58-67.
14. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

УДК 17.022.1

П'янзін С.Д.

ПРАКТИКА ЯК ФОРМА ІСНУВАННЯ ЦІННОСТІ

***Анотація.** Стаття присвячена аналізу діалектики діяльнісного та ціннісного в їхньому онто- та філогенезі. Робиться спроба виявлення вектору аксіогенезу та витоків практики як форми існування цінностей. Простежується теоретичне відображення практики у філософській думці.*

***Аннотация.** В статье анализируется диалектика деятельностного и ценностного в их онто- и филогенезисе. Делается попытка выявления вектора аксиогенезиса и начал практики как формы существования ценностей. Прослеживается теоретическое отражение практики в истории философской мысли.*

***Annotation.** In article it is analyzed dialectics activity and valuable in their genesis. Attempt is done of findings of a vector genesis of values and the beginnings of practice as forms of existence of values. It is traced theoretical reflection of practice in history of a philosophical idea.*

Про зв'язок цінності та практики хоча і багато писали протягом століть, але в основному їхнє співвідношення не виходило з кола етичних та естетичних проблем. Так, античність щодо цього пройшла під знаком каллокагатії і поведінки гідної філософа-мудреця. Середньовіччя – під гаслом спасіння душі, крім, деякою мірою, Ф. Аквінського, який за допомогою поняття “неповно-сущого” заклав основи для вивільнення поняття “практика” від чистої етичності. Повз останнього майже